

ВИТАЛИЙ ЛЕХЦИЕР ВЛАСТЬ КОНЦЕПТА

Современное искусство завязано на теории. Теряя не только непосредственно предваряет художественный акт, но и свободно располагается внутри него, существенно изменяя его структуру. У современного художника не получается не быть теоретиком. Постоянно обдумывая каждый свой шаг, чтобы не быть застигнутым врасплох и просто не выглядеть глупо, былой "вдохновенный певец" овладевает вдохновением с помощью резиновых перчаток концепта, благо, в разновидностях онного недостатка не наблюдается. Большая удача, если теория рождается из духовной глубины, а не из отвлеченной схемы, но и в этом случае она требует членораздельного проговора, внятной артикуляции хотя бы для себя, для своего собственного уха. Кроме того, элементарное осознание, что ты, вообще говоря, занят специфической деятельностью, маломальская рефлексия по поводу "граней и перегородок" есть уже вполне теоретический акт. Художник, находящийся только внутри художественного события, никогда не выпрыгивающий из него хотя бы ради любопытства - музейная ценность, реликт давно прошедших эпох.

Но все это далеко от того, на что направлены честолюбивые помыслы ученых песнопевцев. Понять человеческих их можно. В самом деле, где применять и куда, в сущности, девять внушительный багаж гуманитарных или естественных знаний, надежно упакованных под одной черепной коробкой, если не использовать их в собственном творчестве. Речь идет, разумеется, не об условном "что", но о "как" поэзии, о концептировании с помощью знаний принципов словоупотребления, отношения к вещи, всего стиля художественного поведения.

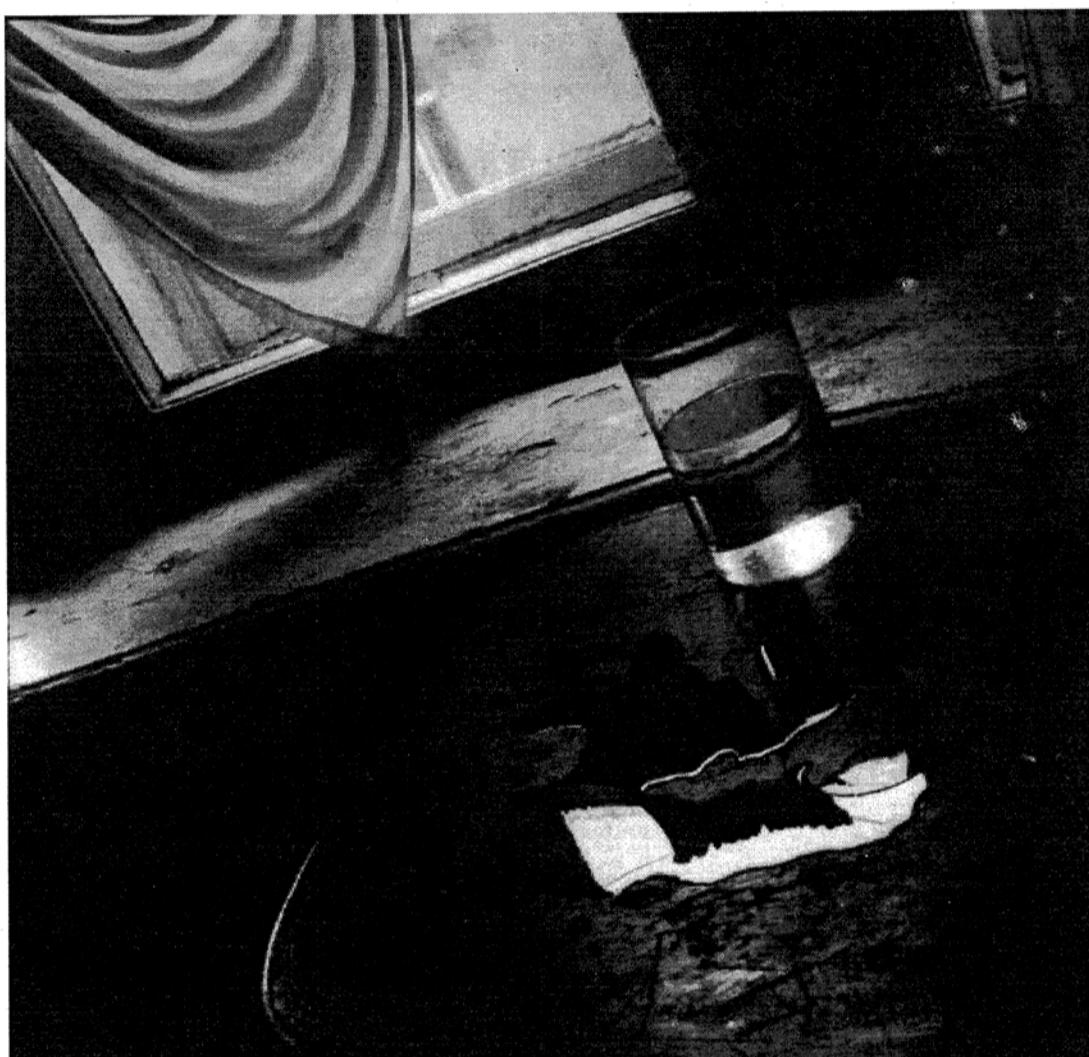
Интеллектуальные тренировки накачивают мышцы мозга. Занятия туризмом теоретирования приносят истинное наслаждение. Кто хоть раз не испытывал экстаз при продирании сквозь научные джунгли текста, не ломал мозг в стремлении прорубить чаемую дорогу, вообще, не вводил дефиниций, не систематизировал, не захлебывался в последовательном проведении дискурсии, тот не поймет, что творится на авансцене современного художественного сознания. Интеллект - засасывающая воронка, азартная игра, пожирающая человека, доводящая его до состояния головы профессора Доуэля. Я знаю одного философа и германиста: человек весьма замечательный и большой оригинал, он обладает исключительной способностью разговаривать на некоем сверхязыке. Во всех случаях. На страницах философского сборника и за обеденным столом. Его речь - бурлящий поток категорий и специальных понятий, терминологическая феерия, так что не поймешь, эпаж это, естество или психопатология.

Но почему мы, говоря о теоретизме, выделяем наше время? Разве не так было всегда? Разве не было своих теорий у романтиков и классицистов? Разве Гораций творил исключительно по наитию, без всяких предпосылочных принципов? Или разве не красноречивы такие, например, слова Гете: "Ибо только беглый взгляд на предмет мало что дает. Всякое же смотрение переходит в рассматривание, всякое рассматривание - в размышление, всякое размышление - в связывание, и потому можно сказать, что при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем..."

Так-то оно так, но само по себе наличие эйдетического зрения художника и смысловой наглядности предмета (хотя по-прежнему устойчиво мнение, сформулированное Г.Шпетом, что "только внешность - непосредственно эстетична") не отрицает того факта, что теория тогда существовала по ту сторону "границ и перегородок". Неслучайно и Гете, и Шиллер чувствовали непрекращающийся конфликт в своем творческом процессе между образом и понятием, между разными типами мышления, ощущали разлад с собой.

Все началось, понятное дело, на рубеже веков. "Аналитический язык авангарда был рожден научным взглядом

на искусство, научным анализом художественных средств" (А.Раппопорт). Дальше всех пошел Малевич, обозвав художника пережитком и перейдя к чистому моделированию. А вот вывод, сделанный несколько лет тому назад Эрнстом Неизвестным: "Сейчас время художника-философа... Художнику сегодня для работы нужны открытия ученого". Например, открытия в области космологии и физики. Апеллируя именно к ним, К.Кедров находит литературу (а также миф, фольклор, язык) отражением вселенского метакода и на этом основании объявляет о Метаметафоре. И хотя он уверяет, что "Метаметафора не гомункулус, выращенный в лабораторной колбе", все же он признает, что "Метаметафора - детище 20-го века". Не лабораторной колбой, а настоящей алхимической ретортой стало деятельное сознание художника (почему бы не А.Паршикова, А.Еременко, И.Жданова?), где посредством постоянной химической реакции конкретного

Мария Снигиревская. "Рисунок судьбы", 1993.

интуитивного опыта с отвлеченными системами и представлениями должна, по сценарию, высвободиться тинктура, заключенная в словах и вещах, дабы увидели свет новые художественные смыслы. Впрочем, эта практика настолько распространена, что нет нужды приводить примеры. Мы дышим воздухом, перенасыщенным концептами. Условно говоря, это химия: от "воображаемой геометрии" Лобачевского и теории относительности до антропного принципа и моделей, связанных с компьютером, с одной стороны, и от психоанализа и эзотерических учений до деконструкции (вообще, до разных версий постмодернизма, включая отечественную специфику) и новейшей философии культуры, с другой. Естественно, что сейчас ориентируются на последнее слово, прежде всего, наук гуманитарных.

Таким образом, творческому акту предпослан целый веер готовых концептов, больших и малых, служащих точкой зрения, ракурсом, метатекстом, регулятивным принципом поэтики.

Можно ли заключить, что в этой экологически нездоровой обстановке беспредпосылочность, то есть без-оглядность творческого акта - миф? Думаю, нет. Существует уровень взаимоотношения с миром, где чужое высказывание, готовые языки и концепты либо отсутствуют, либо допускаются лишь на правах дополнительных и вполне эффективных средств. В свою очередь, язык не настолько загрязнен и клиширован, чтобы без известной "очистительной" рефлексии нельзя было построить фразу. Следовательно, можно строить высказывание одновременно и о мире, и о чужих высказываниях, но так, чтобы второе не вытесняло первое, которое есть мое стояние перед миром как целым, метафизическое тет-а-тет с миромличностью. Как у Ходасевича:

Есть только большое недоумение,
Которое называется: "мир".
И мир отнимает у меня все время.